

ПЁТР РАДЕЧКО

НЕ ПОСТИГНЕТ ЛИ ЕСЕНИНА УЧАСТЬ БЕРАНЖЕ?

Вот уже 17-й раз прошла в феврале в Минске Международная книжная выставка-ярмарка. Нынче в ней принимали участие 26 стран. Как всегда, наиболее широко была представлена продукция издательств из разных городов Российской Федерации.

Для меня такие выставки всегда являются многодневным праздником. Это прекрасная возможность познакомиться с новыми изданиями, встретиться с друзьями, посмотреть на ловцов удачи, которых всегда окружает молодежь со стремлением получить автограф на глянцевого макулатуре, а также поискать что-нибудь для души.

К большому сожалению, на этот раз я, давнишний поклонник творчества Сергея Есенина, не нашел не только абсолютно ничего о моем любимом авторе, но даже не увидел ни одного сборника его стихотворений.

Почетными гостями нынешней выставки-ярмарки были французы. По такому случаю им была предоставлена значительная площадь выставочного центра непосредственно у входа. Обилие разнообразной красочной литературы не только на французском, но и на русском языке, элегантно и раскованно гости всевозможными мероприятиями, вплоть до компьютерных розыгрышей, постоянно привлекали посетителей.

Больше, чем ко всем другим, внимание молодежи было приковано к непосредственному, обходительному молодому писателю Кристиану Гарсену. Посетители и особенно посетительницы выставки дружно приобретали его книги, изданные на русском языке, и создавали очередь к нему за автографом. Можно сказать, что внимание к нему было несколько не меньшим, чем к приехавшему из Москвы Михаилу Веллеру.

Среди множества встреч, проведенных за пять дней французами, быть может, самым интересным был заключительный “круглый стол” на тему: “Писать – это профессия?” Ведущим был книготорговец Жан-Поль Колле, а в беседе принимали участие писатели Анн-Мари Поль, уже упомянутый Кристиан Гарсен, Пьер Корнюэль и Тьерри Ленц.

Были подняты вопросы не только творческие, но и меркантильные. Поскольку при наличии телевидения и интернета спрос на книги стал совсем не таким, как в два предшествующих столетия, речь шла и об актуальности написанного, и о внешней привлекательности издания, и о разворотливости книжной торговли. Ведущий даже посетовал, что ему, владельцу книжного магазина, иногда нечем “платить по счетам”.

Заканчивая эту интересную встречу, Жан-Поль Колле обратился к присутствующим с просьбой задавать вопросы, если таковые у кого есть. Но в зале неожиданно повисла пауза.

И тогда я задал участникам “круглого стола” вроде бы абсолютно простой вопрос: “Входит ли в программу вашей средней школы изучение творчества Беранже?”

И тут произошло неожиданное. Наши почетные гости стали переговариваться между собой, пожимать плечами и недоуменно с настороженностью поглядывать в мою сторону.

Решив, что будто бы бойкая переводчица неясно изложила мой вопрос, я повторил его. Но реакция на него оказалась такой же. По всему было видно, что фамилия “Беранже” абсолютно ни о чем им не говорит, а они принимают мой вопрос, по меньшей мере, как розыгрыш.

После некоторого замешательства находчивая Анн-Мари Поль, еще раз внимательно взглянув на меня, вышла из создавшегося положения таким образом: мол, у них во второй половине двадцатого столетия появилось очень много бардов. Все они сочиняли песни разного достоинства, и некоторые из них имели большую популярность. Возможно, что в числе таковых был и человек с фамилией “Беранже?”. Но она такового не помнит. Ее точку зрения поддержали коллеги.

И тогда я сказал, что Пьер-Жан Беранже жил не во второй половине двадцатого века, а в первой половине девятнадцатого, что это был очень популярный поэт-песенник, которого великолепно перевел на русский язык Василий Курочкин, что мы изучали в университете его поэзию и она стала для меня любимой.

— Беранже писал и о Наполеоне, — поддержала меня стоявшая поближе к французам женщина.

И тогда Пьер Корнюэль сказал нам буквально следующее: “Это нам надо было приехать из Парижа сюда, в Беларусь, чтобы узнать о том, что у нас, во Франции, был очень известный поэт, которого хорошо знают и любят в других странах, а мы его, к сожалению, не знаем. Говорю это вам, как комплимент”. И начал аплодировать, закрывая встречу.

Вернувшись домой, я раскрыл 69-й том “Библиотеки всемирной литературы” (изданной в 200 томах), в котором наряду со стихами и песнями Огюста Барбье и Пьера Дюпона 294 страницы занимает творчество этого французского поэта, и в который раз перечитал о нем следующее:

“Беранже один из самых великих умов, какими должна гордиться Франция”, — писала после смерти поэта Жорж Санд. “Гениальным” и “величайшим современным поэтом” называл его Стендаль. Его почитателями были Гюго и Бальзак, Дюма и Мериме, поэты Ламартин и Сент-Бев, писатель Шатобриан, историк Мишле. Анатоль Франс считал его “лучшим писателем XIX века”. Его высоко ценили венгр Петефи и англичанин Теккерей. Гете говорил, что песни Беранже “полны такой грации, такого остроумия и тончайшей иронии, они так художественно совершенны и написаны таким мастерским языком, что возбуждают восхищение не только во Франции, но и во всей образованной Европе”. Гейне определил его “прославленным старшиной демократических поэтов”. Белинский называл “царем французской поэзии, самым торжественным и свободным ее проявлением”, “великим поэтом не одной Франции и национальнейшим поэтом самой Франции”. Давая определение народности в искусстве, Белинский писал: “Народный поэт — тот, которого весь народ знает, как знает Франция своего Беранже”. Как бы в подтверждение этой мысли, недоброжелательный французский критик нехотя признавался, что “около 1830 года ни один романтик, даже Гюго, не мог соперничать со славою Беранже”, а в январе 1833 года французская республиканская газета “Трибюн” писала: “Во Франции насчитывается больше людей, знающих его песни, чем людей, умеющих читать, и любой мальчишка из церковного хора споет эти песни лучше, чем ритуальные псалмы”.

Кроме того, есть у меня сборник избранных песен этого поэта в переводе на белорусский язык Эди Огнецвет, изданный в Минске в 1960 году. Перевод тоже великолепный. Но...

Грустные мысли навеяла на меня эта встреча с французами... Очень надеюсь, что они по возвращении в Париж смогли найти книги Пьера-Жана Беранже и, хотя с большим опозданием, познакомились с его прекрасным творчеством. Грусть по другому поводу...

Есенина тоже с полным правом можно назвать *народным* и *национальнейшим* русским поэтом. И самым популярным при жизни. Но один раз он уже был забыт, как во Франции Беранже. Мы, родившиеся в 30-е годы, узнавали этого замечательного поэта совсем не за школьной партой. И зачастую – не по лучшим его стихотворениям. А с приходом демократии уже успели вдоволь насытиться пошлыми измышлениями как его бывшего друга-врага Анатолия Мариенгофа, так и некоторых “продвинутых” авторов, “продукцией” которых и сейчас наполнены книжные магазины. Серьезные же исследования нам удается издавать тиражами в 50–200 экземпляров. Но что это такое в сравнении с “Бессмертными трилогиями” А. Мариенгофа в глянцевых обложках и в суперобложках с многотысячными тиражами, а также с пошлейшими многосерийными фильмами?!

Еще в 1993 году в независимую Беларусь приехал бывший москвич, преподавший в одном из колледжей в штате Коннектикут (США) Борис Большун и издал в г. Гродно книгу “Есенин и Мариенгоф. “Романы без вранья” или “Вранье без романов” В ней он изобразил Есенина отпетым алкоголиком с путаными литературно-философскими взглядами, мечущимся в поисках обязательно знаменитой женщины, коварным, мелочным и неблагодарным по отношению к лучшему и надежному другу Анатолию Мариенгофу, которому нужно поставить памятник за его большой вклад в русскую литературу.

И эта клевета на гения, изданная тиражом в 5 000 экземпляров, раздавалась бесплатно участникам проходившей в Гродно научной конференции славистов, преподавателям, студентам и всем желающим.

В предисловии к этой книге, написанной доцентом кафедры русской и зарубежной литературы Гродненского университета Тamarой Григорьевной Симоновой, говорится что книга “окажется полезной для исследователей русской литературы, преподавателей и студентов, обратит на себя внимание широкого круга читателей”!

И действительно, автору этих строк приходилось слышать от преподавателей некоторых вузов поражающий отзыв о книге: “Это – наш хлеб!”

Негоже ученым забывать древнее крылатое выражение: “Бойтесь данайцев, дары приносящих!”

Думается, что подобным “хлебом” потчуют своих студентов преподаватели не только белорусских вузов. И, как результат – за прошедшие со времени выхода этой книги здесь не была защищена ни одна кандидатская диссертация по творчеству Сергея Есенина. А, быть может, и не написана ни одна дипломная работа.

Изучение творчества Сергея Есенина постепенно подменяется изучением имажинизма. Этому способствуют книги и публикации популяризаторов названного литературного течения не только вышеупомянутого американского профессора Бориса Большуна, а также ученых-славистов Гордона Маквея (Англия), Томи Хуттунена (Финляндия), Владимира Дроздова (Москва), Валерия Сухова (Пенза), а также представителей разных профессий – Михаила Козакова, Бориса Грибанова, Александра Лукьянова, Бориса Соколова (В. Пахарина), Бориса Аверина (все – Москва), Владислава Божко (Харьков) и других.

Такой накат сомнительной и откровенно ложной информации негативно сказывается на восприятии нынешним молодым поколением образа и творчества великого поэта. Узнавшие о Есенине по насквозь лживым сентенциям Мариенгофа, молодые люди никогда не станут читать его стихи, предполагая, что они такие же, как у “второго” имажиниста. Не свидетельствует ли это о стремлении названных авторов опустить творчество Есенина до уровня его былых “собратьев по образу”, чтобы вольготнее чувствовали себя среди классиков иные, не столь популярные поэты?

Наглядным примером подмены основной задачи, наряду с другими, является публикация в научно-методическом журнале “Современное есениноведение” (г. Рязань. №9, 2008 г.) биографического очерка Гордона Маквея об Анатолии Мариенгофе на 34 страницах вместе с 62 фотографиями, на которых этот “классик” запечатлен в возрасте 10 месяцев, 10,5 месяца, 1 год 10 месяцев и т. д. Вряд ли кто-нибудь припомнит подобную публикацию в каком-нибудь журнале о Есенине или о Пушкине!

И это о человеке, стараниями которого в 1923 году Сергея Есенина два раза забирали милиция из принадлежащего им кафе “Стойло Пегаса”! Кого в по-

следние два года жизни поэт не хотел видеть, а в письмах друзьям и подругам называл “вором”, “мерзавцем на пуговицах” и “мариенгофской тварью”.

В то же время в журнале никогда ни одной строкой не упоминалось имя лучшего питерского друга Есенина Леонида Канегиссера, которого поэт первым, еще в 1915 году, возил к себе на родину, в село Константиново.

Однако вернемся вновь на книжную выставку-ярмарку. Участники “круглого стола” постоянно ссылались на творчество французских классиков. Пожалуй, чаще иных маститых называли Гийома Аполлинера, Поля Верлена, Поля Элюара, Артюра Рембо.

Мне трудно судить – я не владею французским. Но переводы этих поэтов не тронули мои душевные струны так, как это удалось переводам песен Беранже, отражающим самобытность, грациозность, остроумие, тончайшую иронию и другие особенности французского народа. А утрата национальной ориентированности журналов ведет в интернациональную пустоту, к забвению истинно народных поэтов, выхолащиванию души, патриотизма, чувства любви к Родине, к “отеческим гробам”, к “родному пепелищу”.